

толковать как аналог Зазеркалья: зеркало меняет местами правую и левую стороны и обращает движение вспять, камера обскура даёт изображение предметов, оптически перевёрнутое вверх ногами. Это объясняет ветвления и расхождения двух шахматных партий, одна из которых разворачивается в хронотопе героев романа, а другая за пределами их мира. Проведя эксперимент со временем, Ван получает модель своего мира и выходит на модель романа, в котором он является повествователем. Этот двупространственный мир с обратимым временем построен по принципу Зазеркалья, причём структура «текст в тексте», использованная и в романе Набокова, и в сказке Кэрролла, также подвергается зеркальному переворачиванию: рамочным текстом является повествование о Зазеркалье, вставным — текст о мире-оригинале. При использовании структуры «текст в тексте», как писал Ю.М. Лотман, «двойная закодированность определённых участков текста, отождествляемая с художественной условностью, приводит к тому, что основное пространство текста воспринимается как “реальное”»⁶. Однако осознание зер-

кального построения романа заставляет по-другому взглянуть на способ его кодировки: дважды закодированным оказывается формально обрамляющий текст, который начинает восприниматься уже как реальность третьего порядка: не как произведение В. Набокова, где повествование поручено одному из героев, а как произведение, спроецированное автором на некое пространство, появляющееся в тексте только в качестве отражения, т.е. повествователя, с которым имеет дело читатель.

Примечания

¹ Набоков В. Американский период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1999. Т.4. С.26–27. Последующие ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием страницы.

² Nabokov V. *Ada or Ardor*. L., 2000. P.358.

³ Пруст М. В поисках за утраченным временем / Пер. А. Франковского. Л., 1934. Ч.1. В сторону Свана. С.213–214.

⁴ Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 2000. С.282.

⁵ Набоков В. Русский период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2000. Т.5. С.143.

⁶ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1. С.156.

УДК 821.133.1.09–94

МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ГРАНИЦ

С.Ю. Павлова

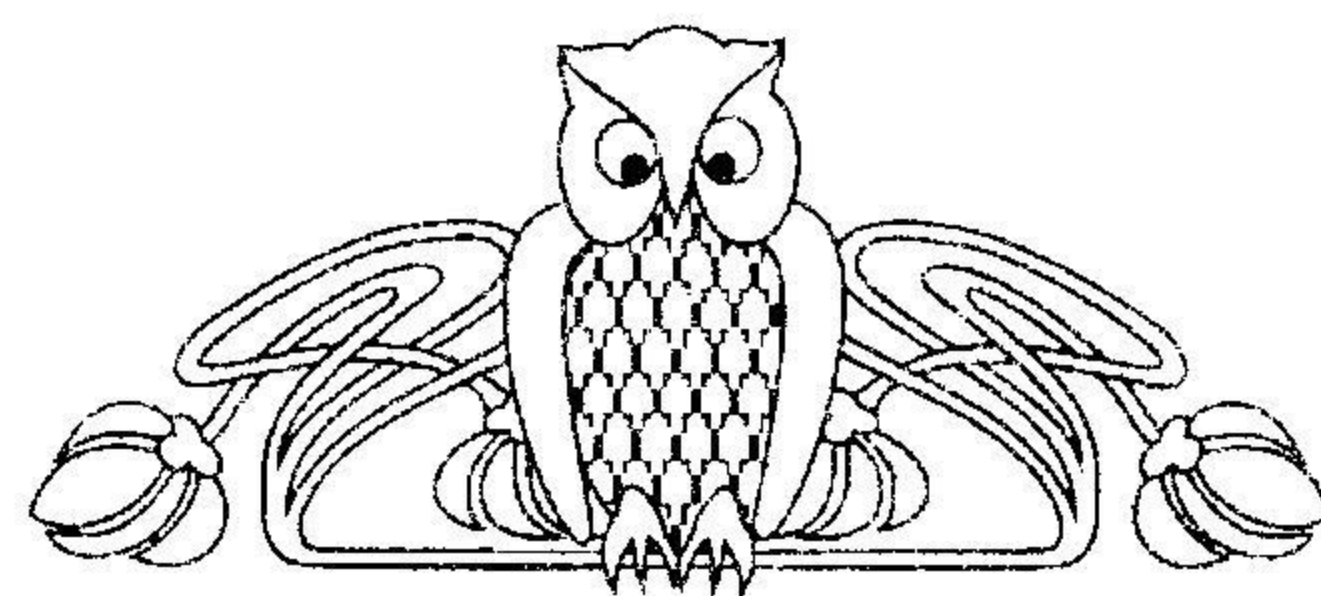
Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы установления границ между жанрами мемуарной и автобиографической прозы, предлагается их генеалогия и доминантные признаки. Анализируется специфический характер мемуарного и автобиографического стилей.

Memoirs and Autobiography: the Genre Boundary

S.Y. Pavlova

The article is concerned with the problems of delineation of the genres of memoir and autobiographical prose, offers their genealogy and dominant features. It analyses the specific character of memoirs and autobiography writing.

В современной литературоведческой науке изучение мемуарно-автобиографической прозы давно осознается как актуальное и перспективное направление. Безусловно, приоритеты исследователей определяет не только конъюнктура книжного рынка, на котором в последние годы популярность такого рода литературы заметно возросла. Интерес к мемуарно-автобиографической прозе обусловлен, главным образом, ее спецификой и логикой теоретико-литературного процесса.

На сегодняшний день при явном росте интереса исследователей к отдельным документально-художественным текстам писателей разных эпох теория мемуарно-автобиографической прозы продолжает оставаться в стадии становления. Думается, этот факт во многом объясняется подвижностью жанровых границ внутри этой литературы и частым взаимопроникновением жанров друг в друга. Названные причины нередко затрудняют жанровую атрибуцию текстов. Попытаемся все же определить основные жанровые доминанты внутри мемуарно-автобиографической прозы, что может способствовать более нюансированному анализу конкретных произведений.

Само понятие «мемуарно-автобиографическая проза» указывает на два основных жанра в ее структуре: мемуаров и автобиографии. Кроме того, эта проза включает в себя эпистолярный, дневники, эссе, романы и некоторые другие жанры. Их развитие проливает дополнительный свет на картину эволюции самосознания личности. Являясь выражением извечного стремления человека познать себя и свое место в мире, они оказываются тесно связаны с социокультурным содержанием цивилизации Нового времени.

Подлинный расцвет, а в большинстве случаев и формирование вышеперечисленных жанров приходится на начало истории Нового времени. В традиционалистских типах культуры тексты с элементами автобиографизма существовали (например, «К самому себе» Марка Аврелия, «Исповедь» Августина Аврелия, «История моих бедствий» Пьера Абеляра), однако их количество было весьма незначительным, а формально-содержательные особенности проистекали из надличностного отношения к миру либо определялись христианской доктриной.

На излете позднего Средневековья повышению интереса к индивиду и его внутреннему миру способствовали изменения как в религиозной, так и в светской идеологии. Наиболее показательна идея ренессансного индивидуализма воплотилась в «Опытах» (1580) Мишеля Монтеня. В этой книге, ставшей, по словам Ж. Гюсдорфа, «одним из евангелий современной духовности»¹, отра-

зился новый взгляд на человека, который в самом себе открывает целый мир. Такая установка потребовала от автора поиска новой жанровой формы и привела к созданию первого образца эссе. Как пишет Ф.А. Коган-Бернштейн, М. Монтень называет свою книгу «Опыты», «тем самым точно определяя ее жанровую принадлежность. У Монтеня слово «эссе» еще совершенно явственно сохраняет свое исходное значение – «опыт»: опыт, поставленный на человеческой способности суждения, на себе самом»².

В истории Нового времени одним из показателей подлинного повышения авторитета личности стало появление и быстро возросшая популярность жанра мемуаров. Предшественником мемуарной литературы можно считать распространенную еще в Средние века традицию исторических хроник и «семейных книг». Жанр мемуаров сформировался в недрах постепенно секуляризирующейся светской культуры. В отличие от исповедального характера религиозных текстов, конечно же, оказавших влияние на мемуарную традицию, светская литература акцентировала деятельное начало личности, показывала способность человека сквозь призму собственных критериев и оценок свидетельствовать о значительных событиях, участником которых ему довелось стать. Мемуаристика наиболее интенсивно развивалась во Франции в XVII–XVIII вв. В богатейшем мемуарном наследии того времени можно выделить несколько текстов с ярко выраженным индивидуальным началом. Таковы мемуары кардинала де Реца, А. де Кампиона, Л. де Понти, Ш. Перро, А. де Сен-Симона и других.

В этот же период появляются первые образцы эпистолярной прозы («Письма» мадам де Севинье), а несколько позже, на рубеже XVIII–XIX вв., и дневниковой («Дневник» Б. Константа, Стендаля и др.).

В конце XVIII в. на стыке традиций религиозной исповеди и мемуарного повествования зарождается новый литературный жанр – автобиография. Большинство исследователей первым его образцом называют «Исповедь» Жан-Жака Руссо, опубликованную в 1782 г. Название своей книги автор связывает с христианской традицией, но в

действительности превращает религиозное покаяние перед Богом в исповедь перед другими людьми, в самопознание и самовозвеличение.

Именно «Исповедь» Руссо стала толчком для интенсивной популяризации жанра автобиографии, который уже в следующую – романтическую – эпоху получил мощный импульс для развития. Идеи либерализма и Великой французской революции, прошедшей под знаменем свободы и равенства индивидов, укрепили идеологическую почву для его утверждения. Бурные политические события, имевшие место после 1789 г., продемонстрировали богатый потенциал и величие отдельно взятых личностей (прежде всего, Наполеона), но в то же время на фоне постоянной социальной нестабильности усилили стремление человека искать силы и утраченное единство в себе самом.

Романтическое миропонимание оказалось созвучно характерной для жанра установке на изображение уникальности жизненного пути и внутреннего мира индивида. Примечательно, что в Большом универсальном словаре XIX в. Пьера Ларусса (1871) термин «автобиография» трактуется как «жизнь индивида, описанная им самим», а новое качество такого жизнеописания поясняется через сопоставление с мемуарами.

Наиболее точно специфику этого жанра определил современный французский исследователь Филипп Лежен, предложивший самое употребительное, но одновременно и дискуссионное определение: «...мы называем автобиографией ретроспективное повествование о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика»³. Чисто внешними формально-содержательными признаками жанра ученый называет номинальное совпадение автора, повествователя и героя; рассказ о частной жизни создателя книги; прозаическую форму; ретроспективность изображения; преимущественно хронологическую последовательность изложения; наконец, наличие так называемого автобиографического соглашения или пакта. Под последним он понимает своеобразный зачин, в котором автор устанавливает контакт с читателем и определяет принципы построения повествования.

Для любого мемуарно-автобиографического произведения одинаково значимы такие факторы, как авторская сверхзадача, преобладание внешнего или внутреннего, степень соотношения реальных и вымышленных эпизодов, принципы их отбора. Вот почему жанровые границы внутри этой литературы, как уже отмечалось выше, нередко оказываются размытыми.

Так, в мемуарах повествователь выступает в роли свидетеля, описывающего увиденное и высказывающего по этому поводу свою точку зрения. Даже в текстах с ярко выраженным субъективным отношением рассказчика к материалу автобиографические детали и психологические характеристики самого повествователя играют второстепенную роль, подчиняясь задаче изображения внешнего мира. В автобиографии, напротив, акцент делается на воссоздании истории личности. В мировой литературе встречается немало произведений, содержащих как мемуарный, так и автобиографический пласт. Размышляя о жанровой принадлежности таких текстов, Ф. Лежен приходит к выводу, что важно верно определить суть авторского замысла. «Не следует судить о целом по объему этих частей, – предостерегает исследователь, – а необходимо увидеть, какая из них находится в подчиненном положении, попытаться понять, что же хотел описать автор: историю своей жизни или эпохи»⁴.

Концентрация авторского внимания на себе самом характерна не только для автобиографии, но и для популярного в XVII–XVIII вв. жанра автопортрета. Однако принципы построения авторского «я» в этих жанрах различаются. В автопортрете доминирует описательный элемент, предполагающий статику, а в автобиографии – повествовательный, позволяющий передать динамику, рассказать историю жизни в ее временном измерении.

Эта черта роднит автобиографию с биографией, в родовом отношении наиболее близким ей жанром. Он сформировался по времени ранее автобиографии и стал для нее своеобразной матрицей построения повествования. Очевидная тематическая разница между этими жанрами (биография – текст, написанный о другом, автобиография – о се-

бе) порождает принципиальные различия в охвате материала, связанные не только со степенью компетентности и искренности биографа/автобиографа, но и с потенциальной способностью изобразить жизнь как законченное целое. Если для биографа такая задача оказывается выполнима, то для автобиографа – нет, поскольку он не может рассказать историю собственной смерти, а значит, создать полное жизнеописание. Отсюда проистекает принципиальная хронологическая незавершенность любой автобиографии.

Повествовательное начало с выраженным акцентом на событийной линии отличает автобиографию и мемуары и от жанра эссе. В последнем важным жанрообразующим элементом выступают логические построения, рассуждения, аналитические конструкции, а событийный ряд оказывается заметно ослаблен.

Особое место в мемуарно-автобиографической прозе занимают дневник и эпистолярный. Если другие литературные жанры ориентированы на читателя и, как правило, предназначены для публикации, то дневник и переписка являются фактами частной жизни и не предполагают широкого обнародования. Кроме того, в отличие от подчиненных единому замыслу текстов мемуаров, эссе и автобиографий, они фиксируют разрозненные фрагменты жизни. При этом подчеркнем, что элементы дневника и переписки очень часто включаются в автобиографии либо мемуары, но в равной мере могут выступать и как самостоятельные жанры.

Принципиально важно и в то же время наиболее сложно установить оппозицию между автобиографией и романом. Характерно, что в литературе Западной Европы всплеск так называемых «личных» или «эгоцентрических» романов («Страдания юного Вертера» И.-В. Гете, «Рене» Ф.-Р. де Шатобриана, «Адольф» Б. Констана, «Исповедь сына века» А. де Мюссе и т.д.) совпадает по времени с возникновением жанра автобиографии.

Как справедливо отметил Ф. Лежен, «с точки зрения внутренней природы текста» между автобиографией и романом «нет *никакой разницы*»⁵. По мнению исследователя, жанровые различия основываются на вере читателя в то, что в автобиографии, в отличие от романа, герой, повествователь и автор – одно и то же лицо. «Автобиография – пишет он, – жанр, основанный на признании, жанр, если можно так сказать, “доверительный”»⁶. Иначе говоря, речь идет о заведомом восприятии автобиографии как текста, отражающего невымышленные факты. Ф. Лежену вторит американский исследователь Д.Б. Мандел: «Хотя автобиограф использует технику художественного письма, сквозь нее четко просматриваются его истинные намерения. Более того, критики часто наблюдают обратный процесс, когда романист использует приемы автобиографии... но при этом в большинстве романов авторская интенция абсолютно ясна: автобиографические приемы служат в конечном итоге созданию вымышленного произведения»⁷.

Таким образом, выявленные доминанты подтверждают разножанровую природу мемуарно-автобиографической прозы. Одновременно подвижность границ внутри этой литературы свидетельствует о принципиальной открытости входящих в нее составляющих и может привести к формированию новых литературных жанров.

Примечания

¹ *Gusdorf G. Conditions et limites de l'autobiographie // Formen der Darstellung. Berlin, 1956. P.111.*

² *Коган-Бернштейн Ф.А. Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты: В 2 т. М., 1997. Т.2. С.473.*

³ *Lejeune Ph. L'autobiographie en France. P., 1998. P.10.*

⁴ *Ibid. P.11.*

⁵ *Ibid. P.17.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Mandel B.J. Full of Life Now// Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton; N.Y., 1980. P.53.*